

Васька

— Тебя как зовут? Меня Васькой, — сказал он, когда я забрался к нему в кабину и сообщил, куда мне ехать.

До встречи с ним я долго стоял на шоссе, поднимая руку при появлении каждой автомашины.

Но они большей частью шли гружеными. Ни одна из них не останавливалась, чтобы посадить меня, и, уже потеряв всякую надежду выехать из поселка, я собирался идти ночевать к знакомым, но вот показалась еще одна и, в пятый раз подняв руку, я увидел, что, поравнявшись со мной, она остановилась и из

кабины высунулось круглое курносое лицо.

Оно было молодо и задорно. Шофер казался совсем парнишкой, что больше всего подчеркивалось его кепкой, надетой козырьком на затылок.

Глаза его не совсем обыкновенные, небольшие, с зелеными зрачками и желтыми ресницами плутовато шурились, разглядывая дорогу, зубы ослепительно блестели, ворот рубахи был широко распахнут, а от всего об-

лика шофера исходило ощущение полной беззаботности и такого совершеннейшего пренебрежения к грязной дороге и слякоти, что я невольно улыбнулся, и на сердце сделалось теплее, как будто не я, а кто-то другой перед этим дрожал на пронизывающем ветру, голосуя каждой пронесившейся мимо автомашине.

— Садись, — пригласил он меня.

Я сел рядом и услышал фразу, которой начинался рассказ.

При этом Васька так энергично действовал баранкой, что казалось, он не ведет машину, а избивает своего врага.

— Что тебе, жить надоело? — заметил я, кивая на дорогу, которая плясала перед нами как бешеная.

Авария казалась мне неминуемой. Я уже пожалел, что сел к нему.

— Нет, жить я хочу, — возразил Васька. — Жизнь — это песня, — с торжествующим убеждением добавил он, бросая машину вбок и отчаянно гудя, чтобы обогнать мотоцикл охотника, у которого в люльке виднелась кофейно-пегая собака, до половины закрытая брезентом. Прижавшись к хозяину, она тоскливо поводила головой и провожала унылым взглядом поля, затянутые мелкой туманной изморосью.

— Жизнь — это песня, — повторил Васька, — и ценится она не за длину, а за складность.

— Ну, и складна твоя жизнь? — спросил я.

— А еще бы не складна: восемнадцатый год, а уже шофер, — и он ткнул себя пальцем в грудь с таким прегордым видом, с каким, наверное, и Архимед не произносил слово «эврика», когда отыскивал решение своей задачи.

Я заметил, что руки у него были черные, грубые и пальцы их ничем не отличались от черного обода баранки, в которую, казалось, были впаяны. Сам он широкоскулый, круглолицый, и на обширной площади золотого веснушчатого лица задорно торчал нос пуговкой и смешно топорщились плутоватые маленькие глазки.

Он то кричал мне в ухо, то принимался хохотать коротким, но оглушительным смехом.

Впереди нас шел молоковоз. Полз он медленно, старательно выбирая дорогу.

Васька долго шел впритирку вслед за ним, но наконец выбрал момент и обогнал молоковоз, как он перед этим обогнал мотоцикл с прижавшейся к охотнику собакой.

Чем дальше подвигались мы, тем больше меня поражала энергия, бившая ключом в каждом звуке его голоса, в каждом движении маленького, ладно сколоченного тела. Но мысль об аварии не покидала меня.

— Куда же ты так торопишься? — невольно поморщился я, увидев, что он пытается нагнать «москвича», мелькающего впереди нас.

Васька, услышав это, медленно заморгал, словно спросонья. Мне показалось, что он ловил внутри себя какую-то мысль, которая все ускользала и ускользала от него.

Наконец он сказал презрительно, тяжело задышав, и при этом приподнялся на сиденье:

— Жить надо в полный рост и дорожить каждым мгновением, — он так и сказал «каждым». — Вон у нас в колхозе бухгалтер Колобашкин, так он заявление послал, чтобы его первым на Луну послали.

Казалось, моя неспособность понять действительное назначение жизни, куда входил и его стиль вождения машины, — все это глубоко его удручало, удручало вплоть до того, что он стал меньше хохотать и меньше кричать в мое ухо.

— Ну, а ты отчего не послал заявление вместе с Колобашкиным? — спросил я его.

— Мне нельзя, я шофер.

— А Колобашкин?

— А Колобашкин радист-разведчик. Много раз на парашютах в тыл врага к партизанам прыгал.

— Ну, конечно, — поспешил согласиться с ним я.

Выяснилось, что Васька едет в областной город за мебелью для вновь выстроенного клуба, который на днях будет открыт у них в колхозе.

— Все му району на зависть, — похвалился он: — громадный, шестьсот мест, библиотека, бильярд, читальня для занятий. Мы, молодежь, всю зиму над ним работали. Как час свободный, так и туда. Теперь только просвещайся.

Из этого разговора явствовало, что Васька больше всего почитал культуру, ее достоинства и важность. Он

знал Джека Лондона, Фенимора Купера, «Туманность Андромеды» Ефремова, с десятков детективных книжек.

— Классики мне тяжелы, над ними думать надо, а думать нам неколи, мы в разъездах. Я ловок на пляску в самодетельном кружке, — поведал он, — и в волейбольной команде все играю.

С неизменным выражением не то разухабистости, не то озабоченного презрения к дороге и к ее слякоти он гнал автомашину, и я глазом не успел моргнуть, как мы повисли над кузовом «москвича», а затем и обогнали его.

Шофер «москвича» погрозил нам кулаком, приоткрыв дверцу кабины.

Васька ухмыльнулся и так встряхнулся на сиденье, что я подумал: не подавился ли он от удовольствия.

— Обмылок, — сухо буркнул он, имея в виду водителя «москвича».

Так мы проехали с ним километров с двадцать и обогнали примерно столько же машин, если не больше.

Спешка его удручала меня все больше и больше. Газовал он на всю железку. Самолюбие его, видимо, страдало при мысли, что впереди нас идут машины, которых не обогнать.

Наблюдая за ним, я видел, что действует он так не из хулиганства, а из какого-то неодолимого внутреннего побуждения, очень похожего на поведение людей, убежденных в том, что, поступая таким образом, они выполняют свой долг. И он выполнял его с таким рвением, как солдат или полководец выполняет свой, без тени сомнения в том, что его надо выполнять иначе. Иногда, как бы сообразив, что делает неладное, он встряхивал головой и несколько убавлял газ, но это проходило, и машина вновь с предельной скоростью пожирала километр за километром.

Вскоре мы начали обгонять автомашину, на которой везли картошку.

Она долго не хотела уступать нам дорогу, и Ваське приходилось применять к ней всю пробойную силу своего темперамента. Он сделался шире в объеме, как клещ, который напился крови, и, казалось, не только руками, но и всем телом впился в баранку. Надо было выбрать место, где выскочить вперед. Машина дрожала от напряжения.

— Знаю я этого крота, — отдуваясь от внутренних усилий, сказал Васька, и лицо его при этом изобразило презрение невыразимое. — Он с камня лыки дерет, набрал картошки — и в город. Это Митька Хапов, — добавил он. — Тунеядец.

Я удивился.

— Да разве грузовая машина в его личной собственности? — спросил я.

— Малярной станции машина, — отрубил Васька. — Да это все равно, что его собственность, — пояснил он. — Там высокая баба начальницей, а у ней (Васька глубокомысленно посверлил себе висок черным пальцем, что означало, что у той высокой бабы — начальницы — в котелке дыра) только цветочки на уме. Ходит в луга с племянницами, цветочки собирает и сушит их на листах бумаги, а то в Сочи закатится на все лето, а там тулярии да ерарии... Вот забыл, — поперхнулся он...

— Дендрарии, наверно, — поспешил сказать я.

— Вот-вот, — обрадованно закивал головой Васька. — И оттуда везет цветов этих, колючек, листов разных ящики. Ну а Митька Хапов в это время не дремлет. Она там в дендрариях над цветочками ох да ах, а он без нее руководствует. Даже на ночь машину во двор себе ставит, как в гараж. И машинка ему за это золотые яйца и несет и несет.

— Не сойти с места, — побожился Васька, хотя я и молчал. — Третий дом Митька в райцентре грохает. Межрайонная оптовая база сбыта — вот кто Митька Хапов. У кого ночь-полночь есть бензин — у Митьки Хапова; кто весь обложился тесом, лесом, кирпичами и шпалами — Митька Хапов; у кого можно достать любую запчасть к машине — у того же Митьки Хапова; кто торгует телевизорами — он же, Митька Хапов.

— Даже телевизорами? — усомнился я.

— Даже телевизорами! — отрубил Васька. — Вот он везет две тонны картошки в город. Чего ты думаешь он повезет оттуда?

Я пожал плечами.

— Телевизоры, вот чего! — с явным огорчением охотника, который все время видит редкую дичь, но не имеет возможности убить ее, произнес Васька. — А нашему брату — колхознику, чтобы достать телевизор, на-

до переть на своих двоих в Москву или в Ленинград на собственных харчах, без прогонных, а Митька Хапов, если захочешь, сам привезет тебе его в деревню. За лишних сорок-пятьдесят рублей. И деньги на бочку. Это у него самое любимое. Ни в долг, ни в кредит Митька Хапов не берет. Волк! А тряхни его за волчью шкуру — заячий хвост под ней увидишь. Ну, да и я не промах. От меня, — тут Васька с угрозой заиграл желваками своих скул, — другой бочкой запахнет...

Удобное место для обгона было найдено, и мы начали обходить Митьку Хапова, как перед этим обходили других.

Покосившись на него, я увидел в кабине жирный большой нос, почти не отделенный ото лба переносьем.

С насмешливым и ленивым превосходством обладатель этого носа, не снижая скорости и не сторонясь, смотрел, как наша машина чуть не сползла с гравия в кювет, стремясь вырваться вперед.

— Ой, Васька, допрыгаешься, — предостерегающе, с какой-то торжественной угрозой крикнул Митька Хапов.

— Не пугай попа кадилом! — огрызнулся Васька.

Мне показалось, что при виде своего заклятого врага он стал мрачнее тучи. И баранка в руках его теперь была вялой, и движения какими-то расслабленными, и голос уже не поражал той зычностью, которая действовала на уши в первые моменты знакомства.

Дорога все время поднималась в гору, но после того, как мы обогнали Митьку Хапова, пошел изволок.

Погода, которая и до этого была плохой, совсем испортилась: сетка дождя стала гуще, слякоти на дороге прибавилось, машина с трудом преодолевала колдобины. Продвижение наше затруднялось. Я уже не слышал Васькиного хохота и, косясь на него, замечал его плотно стиснутые зубы, сквозь которые иногда вырывалось невольное, приглушенное ворчание.

Моим воображением завладел образ Митьки Хапова, который с успехом лет сорок с лишним тому назад мог украсить собой кабацкую стойку или быть вышибалой в трактирных заведениях.

— Ну, заявишь ты суду, прокурору, — с сердцем размышлял вслух Васька, — а у тебя спросят доказательства.

— Ну да, — произнес я.

Васька устремил в пространство кукиш:

— Вот тебе доказательства, — подтвердил он.

Я покачал головой.

— Ты видел на дороге автоинспекторов? — спросил он меня.

— Ну да.

— Митька ехал впереди нас?

— Впереди, — утвердительно кивнул я головой.

— Задержали они его? — Васька весь кипел яростью, как котел, поставленный на огонь.

Я пожал плечами.

— Ну вот, — торжествуя пояснил Васька. — У него десятки дружков по ремеслу в городе. В УРСах, ОРСах, в сбытах, и любая накладная для него готова, когда хочешь.

— Ну, а три выстроенных дома? — наивно спросил я, чувствуя, что Васька сильнее и искушеннее меня в этих вопросах.

— А иди докажи, что он их украл. У него родни целый город, и кажний говорит, что строил он, а не Митька. Ворует один, а хоронят они все — вот тебе и доказательства.

Крыть мне было нечем. Я задумался. Изволок между тем кончился, началась гать, дорога все ухудшалась.

Перед нами впереди то там, то здесь видны были машины, с трудом выбиравшиеся из колдобин. Возле одной из машин, которая ползала назад и вперед по булькающей грязи и то вылезала, то проваливалась в нее, Ваське ждать прискучило, и, увидев справа какой-то объезд, он тронул по нему.

Но его решение оказалось роковым. Не успели мы продвинуться и десятка метров, как машина наша села, и чем больше давал ей Васька газу, тем глубже колесами она зарывалась в грязь. Когда она зарылась по задний мост, делать было нечего. Мы вылезли.

— Дым дело, — крикнул Васька, сплевывая и с завистью наблюдая, как машина, преграждавшая нам путь, выбилась из грязи и пошла дальше. — Куковать придется, — и он свирепым жестом, как будто его кепка была виновата во всем, передвинул ее козырьком с затылка на глаза и оглядел болото, которое лежало

слева от гати. Затем вынул папиросы и закурил. В кирзовых сапогах и ватной стеганке он казался мне совсем квадратным, и лишь его длинная шея несколько сглаживала это впечатление.

Не успел Васька докурить папиросу, как показалась машина с картошкой. Подъезжал Митька Хапов.

Увидев трудно проезжее место, он остановил машину, вылез и принялся оглядывать местность. Обзор, видимо, не удовлетворил его. Но при виде Васьки, ноздри его жирного носа раздулись, большое брюхо заходило от сдерживаемого смеха.

Васька шагнул к нему.

— Ну, Крюк Иваныч, — оглушительно крикнул он, — покажь марку! Выручь друга!

При этом Васька театрально прижал руку к сердцу и, сняв шапку, низко поклонился, как кланяется публике конференсье.

Я невольно залюбовался Васькой. Эта просьба скорее походила на обвинительный приговор, чем на бление ягненка, молившего волка о пощаде. Она была явной насмешкой. Ирония и вражда, пылавшие в ней, должно быть поразили и Митьку Хапова. Он хотел отвернуться, но жадность взяла свое, и он молвил:

— Сколько будет на бочке?

— Сколько спросишь.

— Десятку будет стоить.

— Десятку?

Васька взорвался, словно тол, который бросили в воду. И только мое присутствие удерживало его от ругательств.

— Ну, брат, — заговорил он, указывая на длинное болото, черневшее в стороне от горы, — скорее твоя родня всех лягушек в этом болоте поест, чем я отдам тебе эту десятку. Я ведь не ворую.

— Хозяин-барин, — процедил сквозь зубы Митька, взбираясь в кабину.

Ухаб, где до этого барахталась автомашина, он преодолел с гораздо большей легкостью, чем другие, и вскоре скрылся из вида.

Васька покрутил головой, яростно сплюнул и направился в придорожный кустарник.

Набрав там валежника, он бросил охапку его под машину. Но колеса утопили валежник в грязи. Мы при-

Несли еще несколько охапок, но проку от этого было мало.

Мы измаялись и до самых ушей покрылись грязью.

— Покурим, — предложил Васька.

Мы сели на пригорок отдыхать. Дождь в это время перестал, облака разошлись, глянуло солнце.

Пока мы отдыхали, мимо нас прошел весь транспорт, обойденный Васькой.

Шоферы поглядывали в нашу сторону, но помогать нам никто не хотел.

Мимо нас прошел и «москвич», из которого Ваське грозили кулаком, проковылял и мотоцикл охотника с собакой, — даже он подвигался вперед, одни мы сидели. Выручил нас неожиданно молоковоз, шедший последним. Из него вышел шофер, высокий, как жердь, и такой же молодой, как Васька.

Наклоняясь вперед при каждом шаге, он подошел к нам и предложил свою помощь.

Мы просветлели. Молоковоз развернулся, взял буксир и, взревев от натяги, выволок нас из гиблого места.

После этого мы медленно шли за молоковозом, соблюдая благодарную дистанцию. У Васьки не было никакого желания обгонять ни его, ни другие автомашины.

В самом конце гати, когда длинное, километров с пятнадцать низинное болотистое место кончалось и виднелся склон, по которому была разбросана деревня, мы неожиданно увидели машину, сиротливо торчавшую в таком же тупике, в каком перед этим торчали мы.

Молоковоз прошел вперед, а Васька нерешительно остановился.

— Ишь засел, крот... — с усталым видом сказал он.

Я вгляделся в шофера и узнал в нем Митьку Хапова. Как и мы, он был заляпан грязью и свирепо смотрел по сторонам.

С чувством, которое можно было назвать сложным, я разглядывал Ваську. Васька был подавлен этим непредвиденным случаем.

Он вздыхал, елозил на сиденье и косился на меня. Он, видимо, страдал при мысли, что должен был сделать что-то такое, что не роняло бы его достоинства в моих глазах, но и не отменяло состояние войны, в котором он был с Митькой Хаповым.

Решая этот вопрос, он так встряхивал головой, что мне стало его жаль.

Васька выключил газ и вышел из кабины.

— Куда ты? Поедем, — нетерпеливо предложил я.

В ответ он только махнул рукой.

Митька Хапов сидел на обеих осях, сидел глубоко и крепко, но подъехать к нему было можно.

Когда Васька подошел, он смутился, но и смущение Васьки было меньшим.

— Загораешь? — спросил Васька.

— В самый развал угодил, — буркнул Митька.

Невозможность проникнуть в Васькины намерения, видать, удручала его не меньше, чем грузовик с картошкой, засевший в грязи. Это видно было по его глазам, избегавшим смотреть на нас.

— Ну что же, загорай, — с достоинством произнес Васька и направился к своей машине.

— Выручь, Василь Митрич, сделай милость, — вдруг униженно взмолился Митька, пускаясь за Васькой.

— Десятку? — насмешливо передразнивая Митьку, спросил Васька, обертываясь.

— Десятку, не десятку, а на три пол-литры дам, — ответил Митька, встав перед нашим радиатором. — Только магарычи — твои.

— На три пол-литры, так на три пол-литры, — раздельно сказал Васька.

Я видел, что он обуреваем противоположными чувствами. Несмотря на то, что ему пришлось дать согласие, он размышлял, разглаживая лоб, словно хирург, которого страшила рискованная операция.

Наконец глаза его блеснули.

— Готовь трос! — крикнул он и подвел машину.

Поезженному колхозному «газу» пришлось порядком потрудиться, пока он не вывернул воз из колдобин. Помогали ему и мы с Митькой.

— Ну, деньги на бочку, — жестким голосом напомнил Васька, когда увидел, что Митька Хапов, как бы совсем забыв о нас, ковырялся возле мотора.

— А за что, Васенька? — осклабясь, спросил он. — Ты ведь идейный. Куда тебе их? Все-таки куш знатный, а геройства тут... — Митька дунул на свой палец, но, однако, полез в карман за деньгами.